

Джон Пайпер

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН

ЛЕБЕДЬ НЕ МОЛЧИТ

Высшая радость в жизни и творчестве
Блаженного Августина

IN LUMINE

This booklet was first published in the United States
by Desiring God

© DESIRING GOD
desiringgod.org

© 2008 IN LUMINE Russian edition copyright

Printed by IN LUMINE

IN LUMINE P.O.Box 1842 Chernigov,
14000 Ukraine
380635630071
inlumine.org
info@inlumine.org

© Перевод на русский язык, «IN LUMINE», 2008

Лебедь не молчит

Высшая радость в жизни и творчестве Блаженного Августина

Конференция церкви «Вифлеем» для пасторов
3 февраля 1998 г., Джон Пайпер

26-го августа 410 года случилось невообразимое: через 900 лет незыблемой безопасности Рим был захвачен готами под предводительством Алариха. Св. Джером, переводчик латинской Вульгаты, бывший в то время в Палестине, писал: «Если Рим может погибнуть, то что тогда может устоять?» Но Рим не погиб в одночасье. Прошло еще 66 лет, прежде чем германцы свергли последнего императора, однако весть о вторжении со скоростью взрывной волны достигла города Гиппон, отстоящего примерно на расстоянии 450 миль к юго-западу от Рима, на побережье Северной Африки, в котором Августин был епископом. Ему было тогда 55 лет, и был он на вершине своего служения. Он проживет еще 20 лет и умрет 28 августа 430 года, как раз тогда, когда 80 000 вторгшихся вандалов будут готовиться к штурму города. Другими словами, Августин

жил в смутное время, одно из таких, которые знаменуют смену целых цивилизаций.

Он слышал о том, как вторгшиеся вандалы замучили насмерть двух других католических епископов. Но когда его друзья напомнили ему слова Иисуса: «...бегите в другой город» (Мф. 10:23), – он сказал: «пусть никто не думает, что сможет завладеть нашим кораблем так просто, что моряки, а тем более капитан, покинут его в момент опасности». Он служил епископом в Гиппоне с 396 года, а до этого в течение пяти лет был там старшим проповедующим. Всего он прослужил в этой церкви почти 40 лет и был известен во всем христианском мире как влюбленный в Бога, стоящий на библейских основах, четко и последовательно отстаивающий истины Евангелия пастырь своего стада и защитник веры от больших угроз, которые представляли для нее распространенные тогда манихейство, донатизм и пелагианство.

За четыре года до своей смерти он передал обязанности управления церковью в Гиппоне своему помощнику Ираклию. На церемонии передачи полномочий Ираклий встал за кафедрой на проповедь, а старик-епископ сидел на своем епископском возвышении за спиной у него. Исполненный чувства неловкости от

понимания своей несостоятельности в присутствии Августина, Иракий сказал: «Сверчок трещит, лебедь молчит».

Если бы Иракий только смог заглянуть на шестнадцать веков вперед и посмотреть на то огромное влияние, которое имеет сейчас Августин, он бы понял, почему я озаглавил это свое выступление «Лебедь не молчит». Он не молчал тогда; не молчит он и сегодня. Он не молчал все эти 1600 лет.

Влияние, которое сейчас имеет Августин в западном мире, просто ошеломляет. Адольф Гарнак сказал, что он – самый великий из всех мужей, что были у церкви со времен Павла до Лютера-реформатора. Бенджамин Уорфильд утверждал, что своими сочинениями Августин «вошел в историю и Церкви, и мира как революционная сила, не только открыв эпоху в истории Церкви, но и... определив ход ее истории в западном мире вплоть до сего дня». Он обладал «таким литературным талантом, равного которому нет в анналах Церкви». «Все развитие западной цивилизации, на всех ее этапах, проходило под мощным влиянием его учения». Издатели журнала «Христианская история» говорят просто: «После Иисуса и

Павла Августина из Гиппона – самая влиятельная фигура в истории христианства».

Самой удивительной особенностью влияния Августина является то, что оно распространяется даже на радикально противоположные ему религиозные течения. Его почитают как одного из величайших отцов католической церкви, и вместе с тем именно он, Августин, «дал нам Реформацию», – не только лишь в том смысле, что «Лютер был монахом-августинцем, или что Кальвин цитировал Августина больше, чем какого-либо иного богослова..., но и потому еще, что Реформация показала полный триумф августинской доктрины о благодати над приверженцами пелагианского взгляда на человека». «Обе стороны в этой полемике [между реформаторами и антиреформаторами] очень часто ссылались на труды Августина».

Генри Чедвик, пытаясь осмыслить масштабы влияния Августина, говорит о нем так: «Ансельм, Фома Аквинский, Петрарка (никогда не расстававшийся с карманным экземпляром «Исповеди»), Лютер, Беллармин, Паскаль и Кьеркегор, – все они стоят в тени его ветвистого дуба. Его сочинения были среди любимых книг Витгенштейна. Он был *bte poire*

[«ночным кошмаром» = самой сильной антипатией] Ницше. Его психологический анализ предвосхитил теорию Фрейда: он первым открыл существование «подсознательного».

И такому необыкновенному влиянию есть свои причины. Агостино Трапе дает превосходную характеристику талантов Августина, делающих его уникальным явлением в истории церкви:

Августин был... философом, богословом, мистиком и поэтом в одном лице... Его высокие таланты прекрасно дополняли друг друга, что делало его удивительно очаровательным человеком, обаянию которого трудно было противостоять. Он – философ, но не холодный мыслитель; он – богослов, но также еще и мастер духовной жизни; он – мистик, но также еще и пастор; он – поэт, но также еще и полемист. Таким образом, каждый читатель находит в нем для себя что-то привлекательное, и даже вызывающее восхищение: глубина метафизической интуиции, огромное богатство теологических доказательств, синтез мысли и чувства, психологическую глубину, проявлявшуюся в

масштабах духовных подъемов, а также богатство воображения, душевную чувствительность и мистическое рвение.

Я думаю, это и есть его точная, без преувеличения, характеристика. Это – то, к чему я пришел.

Практически каждый, кто говорит или пишет об Августине, должен отказаться от претензий на то, чтобы охватить все его наследие. Бенедикт Грешель, написавший самое последнее введение в биографию Августина, посетил Институт наследия Августина, находящийся рядом с Университетом Вильянова, в котором книги об Августине составляют отдельную библиотеку. В компьютере поисковик выдал ему пять миллионов результатов по «Августину». Многие из нас подписались бы под этими его словами:

Я почувствовал себя, как человек, который собрался написать путеводитель по швейцарским Альпам... Спустя сорок лет я все еще могу во время моих недельных уединений погружаться в размышления над «Исповедью» на всю неделю, и когда она проходит, возвращаться назад с

чувством неудовлетворенности, ощущая, что еще очень много золота остается неоткопанным на этих нескольких страницах. Лично я твердо знаю, что никогда в этой жизни не смогу преодолеть тягу к августинским Альпам.

Однако тот факт, что никто не может исчерпать тему Альп, не препятствует людям, даже простым людям, прибегать к этой теме. И потому я решил отправиться туда, и приглашаю вас присоединиться ко мне. Если вы не знаете, с чего начать ваше личное знакомство с ним, то, я думаю, почти каждый скажет вам: начните с «Исповеди», истории его жизни с самого начала вплоть до его обращения и смерти матери. Другие четыре «великие книги»: «О христианском учении» (397-426 гг.); «Энхиридион: о вере, надежде и любви» (421 г.), который, по выражению Уорфильда, является «его самой серьезной попыткой систематизировать свои взгляды»; «О Троице» (395-420 гг.), в которой дается Троице самое четкое определение; и «Град Божий» (413-426 гг.), который отражает реакцию Августина на распад империи и его попытку показать смысл истории.

Я приглашаю вас совершить вместе со мной краткое путешествие на эти Альпы. Однако насколько же сильно диссонирует краткость этого нашего путешествия с громадностью его предмета и его важностью для наших дней! То, что я там увидел, имело огромную важность для моей личной жизни, веры и служения. И я верю, что это путешествие будет иметь очень большое значение и для вашего служения, в особенности же для продвижения библейской реформатской веры в наши дни. Я озаглавил свой доклад так: «Высшая радость в жизни и творчестве Блаженного Августина». Его можно было бы озаглавить и по-другому: «Источник радости в изложении и защите евангельского кальвинизма». Или еще: «Августинианские корни христианского гедонизма».

Давайте «ориентируемся на местности», сделав краткий обзор жизни Августина. Родился он в Тагасте, близ Гиппона, в местности, которую сейчас называют Алжиром, 13 ноября 354 года. Его отец Патрикий был средней руки земледельцем, неверующим. Он тяжко трудился, чтобы дать Августину самое лучшее образование в риторике, какое только тогда было возможно; он ходил в школу сперва в Мадауре, за двадцать миль от родного города,

где учился с 11 до 15 лет, затем, проведя один год дома, поступил в школу в Карфагене, где учился с 17 до 20-летнего возраста. Его отец был обращен в 370 году, за год до своей смерти, когда Августину было 16. В своих писаниях о смерти отца он упоминает только в одном месте, да и то мимоходом, несмотря на то, что на многих своих страницах говорит о том, как горько терять друзей.

«Когда я еще мужал», – писал он, – «меня снедало желание избытка удовольствий ада... Мои домашние не делали ничего, чтобы спасти меня от моего падения, происшедшего в результате брака. Их единственной заботой было, чтобы я научился тому, как произнести хорошую речь и как убеждать других в словесных прениях». Так, он говорил: «Отец... вообще не заботился никак о том, как я возрастаю в Твоих очах, о Боже, целомудрен я или нет. Его заботило только одно: чтобы мой язык научился приносить ему доход».

Когда он готовился отправиться в Карфаген, чтобы учиться там в течение трех лет, его мать серьезно предупредила его «не совершать блуда, а наипаче не соблазнять ничью жену». «Я пришел в Карфаген и сразу ощутил себя в кипящем котле похоти... Моя истинная нужда

была в Тебе, мой Бог, ибо Ты есть пища для души. Я тогда еще не ощущал этой жажды». «Я хотел воровать, и воровал, не будучи принуждаем к тому никакой нуждой». «Я был лучшим учеником в школе риторики. Я упивался своим превосходством и купался в самодовольстве... Предметом моих вожделений было стать хорошим оратором ради несвятой и глупой цели удовлетворения человеческого тщеславия». Он взял себе наложницу в Карфагене, прожил с нею 15 лет и имел от нее одного сына, Адеодата.

Если охватить одним взором его дальнейшую жизнь, мы увидим, что он стал обыкновенным учителем, преподавая риторику в школе в течение последующих одиннадцати лет своей жизни, – с 19-ти до 30-ти лет, а остальные 44 года своей жизни прожил как монах и епископ. Посмотрев на его жизнь с другой точки зрения, можно сказать о нем, что он был блудником до 31 года, а потом держал обет безбрачия до 75 лет. Однако его обращение не было внезапным, как часто думают.

Когда ему было 19 лет и он находился в «кипящем похотью котле Карфагена», раздуваясь от самодовольства и предаваясь всецело плотским

удовольствиям, он прочел «Гортензий» Цицерона, – произведение, которое впервые увлекло его своим содержанием, а не риторической формой. «Гортензий» ставил поиск мудрости и истины выше чисто физического удовольствия.

И это изменило мой взгляд на жизнь. Это изменило мои молитвы к Тебе, о Господи, и вдохнуло в меня новые надежды и устремления. Все мои пустые мечты вмиг потеряли для меня свою прелесть, и мое сердце начало усиленно биться от поселившейся в нем доселе незнакомой страсти к познанию мудрости вечной истины. Я начал выкарабкиваться из тех глубин, до которых я опустился, пылая желанием вернуться к Тебе... Бог мой, как горело во мне желание занять крылья, чтобы они отнесли меня обратно к Тебе, далеко от всех дел земных, хотя я тогда и не имел ни малейшего представления о том, что Ты сделаешь со мной! Ибо у Тебя мудрость. На греческом слово «философия» означает «любовь к мудрости», и именно эту любовь Гортензий воспламенил во мне.

Это было за девять лет до его обращения ко Христу, однако книга эта сыграла чрезвычайно важную роль в его жизни, так как переориентировала круг его чтения и мышление ближе к истине, чем к стилю и форме, что весьма неплохо в любом возрасте.

В последующие девять лет он страстно увлекался дуалистическим учением под названием манихейство, пока не разочаровался в одном из его главных представителей, когда ему было 28 лет. На 29-м году своей жизни он переехал в Рим из Карфагена, чтобы учиться, однако ему настолько докучали выходки студентов, что он в 384-м году вынужден был переехать в Милан, Италия, на учительскую должность, что оказалось судьбоносным сразу в нескольких смыслах. Там он впервые познакомился с платониками и встретился с архиепископом Амвросием. Ему уже перевалило за тридцать, а он все еще жил вместе со своим сыном и наложницей, о которой ни разу не упоминает ни в одном из своих сочинений.

В начале лета 386-го года Августин познакомился с сочинениями Плотина, – неоплатоника, который умер в 270 году. Это был второй внутренний переворот Августина с тех пор, как он впервые прочел Цицерона за одиннадцать

лет до этого. С огромным восторгом впитывал он в себя платоновскую систему взглядов на мир. Это открытие, как говорит Питер Браун, «сместило ось духовной жизни Августина. Он больше уже не отождествлял себя со своим Богом (как в манихействе): этот Бог стал для него абсолютно трансцендентным».

Однако он все еще пребывал в духовной тьме. Влияние платонизма сильно ощущается в даваемой им оценке своего состояния тех дней: «К источнику света я был повернут спиной, а лицом – к вещам, которые его отражали, так что мои глаза, которыми я видел вещи, освещенные светом, сами находились в темноте».

Теперь настало время совершить последний рывок, – рывок от неоплатонизма к апостолу Павлу благодаря громадному влиянию на него Амвросия, который был старше его на 14 лет. «В Милане я нашел Твоего преданного слугу епископа Амвросия... В то время его талантливый язык риторики не уставал восхвалять богатства Твоей пшеницы, радость Твоего елса и трезвящее опьянение Твоего вина. Именно Ты, тогда еще не известный мне, привел меня к нему, чтобы он меня потом сознательно привел к Тебе».

Платонизм Августина возмущало библейское учение о том, что «Слово стало плотью». Однако неделю за неделей он неустанно внимал проповедям Амвросия. «Я внимал каждому его слову, чтобы разгадать тайну его красноречия, и, хоть и медленно, но уже начинал чувствовать истину его слов». «Я трепетал от любви и страха одновременно. Я понял, что так далек от Тебя... но, будучи так далеко, я все равно слышал Твой голос, говорящий: «Я есмь Бог Сущий». Я услышал Твой голос так, как мы слышим голоса, которые говорят прямо к нашему сердцу, и я тут же лишился всякой причины сомневаться».

Однако это переживание еще не было истинным обращением. «Я был удивлен тем, что, хотя уже и любил Тебя, ...не старался пребыть в радости ощущения моего Бога. Твоя красота привлекла меня к Тебе, но вскоре я удалился от Тебя под действием моей собственной инерции, и в отчаянии я снова погрузился в мирские дела... как если бы я уловил приятный запах пищи, но еще не был способен ответить ей».

На что я хочу обратить ваше внимание в этом отрывке, так это на выражение «радость ощущения моего Бога». Августин теперь

представляет себе цель жизни уже как поиск прочной и непоколебимой радости ощущения истинного Бога. И это представление отныне будет определять его взгляды на все, особенно в его великих битвах с пелагианством, которые он будет вести в течение последующих сорока лет жизни.

Он знал теперь, что его удерживает от этой радости не что-то интеллектуальное, а только лишь одно половое влечение: «Меня все еще прочно удерживали оковы женской любви». Таким образом, исход битвы зависел от того, какой тип удовольствия победит в его жизни. «Я начал искать способ обретения той силы, которая нужна была, чтобы наслаждаться Тобой [обратите внимание на суть битвы: как мне найти силы, чтобы получать наслаждение от Бога больше, чем от половой близости?], но я не мог найти этот способ до тех пор, пока не принял Посредника между Богом и людьми, Иисуса Христа».

Мать Августина Моника, молившаяся о нем всю его жизнь, прибыла в Милан весной 385 года и начала хлопотать о том, чтобы женить его, как должно, на девушке из одной зажиточной христианской семьи, жившей там.

Это заставило сердце Августина разрываться на части и способствовало его погружению в еще больший грех, как раз тогда, когда его обращение было уже на горизонте. Он отослал свою наложницу, с которой прожил 15 лет, обратно в Африку, чтобы никогда больше с ней не жить. «Женщина, с которой я жил, была оторвана от меня как препятствие к моему браку, и это было для меня сильным ударом; сердце мое разрывалось на части, так как я сильно любил ее. Она вернулась обратно в Африку, дав обет не отдаваться больше никакому другому мужчине... Однако я был слишком несчастен и слишком слаб, чтобы последовать этому примеру, показанному мне женщиной... Я взял себе другую женщину, без освящения законным браком».

Затем настал один из самых важных дней в истории церкви. «О, Господи, мой Помощник и Искупитель, сейчас я расскажу и исповедаю во славу Твоего Имени, как Ты освободил меня от оков похоти, которые так прочно удерживали меня, а также от моего порабощения вещам этого мира». Эти слова являются центральными в его «Исповеди» и повествуют об одном из великих дел благодати в истории,

о том, какая это была битва! Но послушайте внимательно, как она была выиграна (и прочтите о ней сами в книге VIII).

Описать подробно этот день во всей сложности событий, произошедших в нем, будет невозможно, однако, говоря о той внутренней битве, которой он ознаменовался, сосредоточимся на последнем кризисе, приведшем к обращению. Был конец августа 386 года. Августину было почти 32 года. Как-то со своим лучшим другом Алипием он завел разговор об удивительной жертвенности и святости жизни Антония, египетского монаха. Августин был уязвлен своим собственным рабством похоти, видя, как другие ходили в свободе и святости во Христе.

К дому, где мы жили, примыкал небольшой сад... Волна беспокойства и тревоги, охватившая вдруг мое сердце, заставила меня поспешить уединиться в этом саду, где никто не мог прервать ту жесточайшую борьбу, в которой я сам был себе противником... Я был вне себя от сумасшествия, которое должно было принести мне здравомыслие. Я умирал

смертью, которая должна была принести мне жизнь... Я горел страшным гневом на самого себя за то, что не принял Твоей воли и не вступил в завет с Тобой... Я рвал на себе волосы и бил себя по лбу кулаками, я заламывал руки и сжимал колени.

Однако он начинал видеть все яснее и яснее, что выгода будет значительно больше потери, и по чудесному действию благодати он начал видеть красоту целомудрия в присутствии Христа.

Меня удерживали одни лишь пустяки... Они цеплялись за мою одежду из плоти и шептали: «Неужели ты хочешь нас оставить? С этого момента мы никогда уже больше к тебе не вернемся, никогда!» И пока я так стоял, дрожа, у барьера, на другой стороне я увидел целомудренную чистоту Воздержания во всей его светлой, незапятнанной радости; оно кротко звало меня переступить барьер, не медля больше ни минуты. Оно протягивало ко мне свои полные любви руки, чтобы принять меня в свои объятия.

Таким образом, мы видим, что битва сводилась к выбору между красотой Воздержания и теми пустяками, что цеплялись за его плоть.

Я пал ниц под смоковницей и дал волю слезам, которые потоками лились у меня из глаз... Рыдая, я восклицал: «Как долго еще я буду говорить себе «завтра», «завтра»? Почему не сейчас? Почему не положить конец моим мерзким грехам прямо сейчас?» ... И как только я это сказал, вдруг послышался монотонный, как бы детский голос, доносившийся из ближайшего дома. Мальчика ли был этот голос или девочки, не могу сказать, но он снова и снова повторял: «возьми это и читай, возьми это и читай». Тут я приподнялся и посмотрел вокруг, судорожно пытаюсь вспомнить, есть ли такая игра, в которой дети могли бы произносить такие слова, но я так и не смог припомнить, где я мог когда-либо раньше слышать такие слова. Слезы перестали литься у меня из глаз, и я встал, говоря себе, что это мог быть только божественный голос, велящий мне открыть кни-

гу Писания и прочесть оттуда первый отрывок, на который упадет мой взор. И я поспешил назад к тому месту, где сидел Алипий, схватил книгу Павловых посланий и открыл ее, и в тишине прочел первый стих, на который упал мой взгляд: «...не [предаваясь] ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облечись в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. 13:13, 14). У меня больше не было желания, да и необходимости, читать дальше, ибо, когда я дочитал до конца предложения, в тот же миг ощутил, как будто свет веры озарил своим сиянием мое сердце, и вся тьма сомнения была рассеяна.

Я спешу изложить вкратце сведения из последующей внешней жизни Августина, поскольку много поучительного для нас заключается в том, как Августин построил свою собственную теологию на этой победе радости в Боге над радостью в сексе. Опыт действия благодати Божией в его собственном обращении лежит в основе его доктрины благодати, которая при-

вела его к спору с Пелагием и стала основой Реформации тысячу лет спустя. И эта доктрина незаслуженной благодати родилась из победы его личной радости в Боге над всеми иными радостями. Вот то слово, которое я хочу донести до каждого из нас. Но сперва краткий обзор его последующей жизни.

Он принял крещение на следующую Пасху в 387 году в Милане от Амвросия. Осенью того же года умерла его мать, очень счастливая от того, что сын ее скорбей, наконец, спасен во Христе. В 388-м (в возрасте почти 34-х лет) он возвратился в Африку с намерением основать монастырь для себя и своих друзей, которых он называл «слугами Божьими». Он отказался от намерений о браке и взял на себя обет безбрачия и бедности, то есть посвятил себя жизни в общине в качестве одного из ее членов. Он надеялся провести свою остальную жизнь в философском покое монашеской жизни.

Но у Бога были для него другие планы. Сын его умер в 389 году. Надежды на тихую домашнюю жизнь испепелил свет вечности. Августин подумал, что будет более разумно переехать со своим монашеским братством в более крупный город – Гиппон. Он выбрал

Гиппон, потому что там уже был епископ, и поэтому, как ему казалось, там было меньше вероятности того, что его заставят принять на себя эту должность. Но его расчет оказался ошибочным, как и расчет Кальвина тысячу лет спустя. Вся община пришла к Августину и усиленно просила его стать их священником, а затем и епископом Гиппона, на посту которого он оставался до конца своей жизни.

В одной из проповедей, произнесенных много позже, Августин сказал своим прихожанам: «Раб не должен противоречить своему Господину. Я пришел в этот город, чтобы найти здесь друга, которого, как я думал, смогу приобрести для Господа, чтобы он согласился жить с нами в монастыре. Я чувствовал себя уверенно, потому как в этом городе уже был епископ. Но меня «схватили», сделали священником... и с этих пор я стал вашим епископом».

Таким образом, он, как и многие другие, оставившие глубокий след в истории церкви, в возрасте 36 лет был вытолкнут из тихой заводи философских раздумий в бурную жизнь, полную кипящей деятельности. Должность епископа заключала в себе обязанность

улаживания тяжб между членами церкви и управление многими мирскими делами. «Ему приходилось посещать тюрьмы, чтобы защищать заключенных от жестокого обращения, вмешиваться в судейские дела, чтобы спасти преступников от пыток и казни, а более всего от него ожидали, что он будет поддерживать мир среди членов своей «семьи», выступая арбитром в их тяжбах».

Августин основал монастырь на базе этой церкви, где на протяжении почти сорока лет воспитывал когорту просвещенных библейским познанием священников и епископов, которых он поставлял по всей Африке, и которые несли свет пробуждения во все церкви. Он не отделял себя от остальных монахов, вкушая строго вегетарианскую пищу и соблюдая обет бедности и безбрачия. В монастыре действовал строжайший запрет на посетительниц женского пола. На карту было поставлено очень много, и к тому же он знал свои слабости. Августин никогда с тех пор не имел жены. Когда он умер, не было найдено никакого завещания, потому что все его имущество принадлежало общине. Его наследием были его сочинения, его клир и его монастырь.

А теперь давайте вернемся к триумфу благодати в жизни и богословии Августина. Как я уже ранее сказал, Августин испытал на себе эту благодать, и на основании этого бережно хранимого им в сердце опыта разработал свою теологию «высшей радости». Мое мнение следующее: Р. Спраул прав, утверждая, что церковь сегодня пребывает в плену пелагианства, и что хорошим лекарством от этого недуга для реформатской церкви было бы принять изрядную дозу августинской доктрины «высшей радости». (Я не знаю, согласился ли бы Спраул со второй частью моего утверждения). Я подозреваю, что слишком часто реформатской богословской мысли и проповеди в наши дни не удается дойти до сути, а именно, проникнуть в тайну торжествующей благодати, торжествующей благодаря радости, и именно поэтому они остаются лишь наполовину августинскими, наполовину библейскими и наполовину совершенными.

Сейчас объясню. Пелагий был британским монахом, который жил в Риме во дни Августина и учил, что «хотя благодать может облегчить достижение праведности, она для этого вовсе не обязательна». Он отрицал до-

ктрину первородного греха и утверждал, что человеческая природа по своей сути добрая и способна сделать все, что ей прикажут делать. Поэтому Пелагий был шокирован, когда прочел в «Исповеди» Августина: «дай мне благодать, Господи, делать то, что Ты мне велишь, и повели мне делать то, что Ты хочешь! ... О, святой Боже! Когда мы исполняем Твои повеления, то исполняем их потому, что получаем от Тебя силу их исполнять». Пелагий увидел в этом покушение на добрую человеческую природу, свободу и ответственность, ведь если Бог должен дать нам исполнить то, что Он велит, то это значит, что сами мы неспособны делать то, что Он велит, а значит, и не несем никакой ответственности за то дело, что Он велит нам делать, и нравственный закон перестает действовать.

Августин пришел к своему мировоззрению не сразу. В своей книге «О свободе воли», написанной между 388 и 391 годами, он защищал свободу воли таким образом, что это позже позволило Пелагию использовать против Августина его же собственную книгу. Но спустя десять лет, когда Августин писал свою «Исповедь», вопрос этот был решен. Вот что

он писал. Я думаю, это место – одно из самых важных для понимания сути августинианства.

Где в течение всех этих лет [вольнодумства] пряталась моя свободная воля? В каком скрытом, тайном месте находилась она, что вышла оттуда во мгновение и позволила мне склонить мою шею под Твое легкое иго? Как приятно было вдруг, во мгновение ока, избавиться от тех бесплодных радостей, которые я когда-то так боялся потерять! Ты изгнал их из меня, Ты, Который являешься истинной, высшей радостью. [Это – ключевая фраза и главное переживание, дающее ключ к пониманию августинианства]. Ты изгнал их из меня и занял их место, Ты, Который слаще всякого удовольствия, хоть и не для плоти и крови, Ты, Который есть один свет, но Который сокрыт глубже всякой тайны в нашем сердце, Ты, Который превосходишь всю славу, хоть и не у людей, которые всю славу находят в себе... О, Господи, Бог мой, Свет мой, Богатство мое и Спасение мое!

Таково августинское понимание благодати. Благодать есть даруемая Богом высшая радость в Боге, которая торжествует над всякой радостью во грехе. Другими словами, Бог глубоко проникает в сердце человека и преобразует там источники радости таким образом, что мы начинаем любить Бога больше, чем секс или что-либо еще. Любовь к Богу, по мнению Августина, никогда не сводится к делам послушания или проявлениям силы воли. Это есть всегда великая радость в Боге и в других вещах именно потому, что Он есть Бог. Он дает этому четкое определение в труде «О христианской доктрине» (III, x, 16). «Я называю любовью к Богу стремление души к радости восприятия Бога ради Бога, а также к радости восприятия самого себя и своего ближнего ради Бога». Любовь к Богу всегда представляется прежде всего как радость в Боге и во всем остальном ради Него.

Августин проследил свои собственные ощущения до самого их источника. Всем движет радость. Он представлял себе это как универсальный принцип: «Каждый человек, в каком бы состоянии ни находился, желает быть счастливым. Нет такого человека, который не

желал бы этого; каждый из нас желает этого настолько сильно, что ставит это выше всего остального; на самом деле все, что ни желает иметь человек, он желает это иметь только ради одной этой цели». Именно это направляет волю и руководит ею, а именно, то, что мы считаем для себя радостью.

Но здесь кроется и тот момент, который так разгневал Пелагия. По Августину, не в нашей власти определять, что считать для себя радостью, а что – нет.

Кто в силах увлечь свой разум настолько, чтобы он склонил волю к вере? Кто может терпеть в своем разуме какую-либо мысль, которая не доставляет ему удовольствия? Но кто в силах сделать так, чтобы то, что доставит ему удовольствие, появилось? Или где гарантия, что он получит удовольствие от того, что появится? Если нам доставляют удовольствие вещи, которые способствуют нашему приближению к Богу, то это отнюдь не благодаря нашему капризу, или усердию, или заслуживающему награды делу, а благодаря вдохновению от Бога и той благодати, какую Он дает.

Поэтому спасительная, обращающая благодать для Августина, есть дар Божий высшей радости в Боге, радости, которая превосходит собой все остальные радости, а потому изменяет волю. Воля свободна двигаться к тому, в чем получает наибольшую радость, но не во власти нашей воли определять, в чем будет эта высшая радость. Поэтому Августин заключает:

Свободная воля человека ни к чему не пригодна, кроме греха, если человек не знает пути истины; и даже после того, как его долг и его настоящая цель начинают открываться ему, он не может ни исполнять этот долг, ни даже приступить к его исполнению, ни жить праведно, если не будет находить удовольствие в нем и ощущать любовь к нему. Итак, для того, чтобы такой путь мог увлечь нас, «любовь Божия изливается в сердца наши» не по произволению нашей свободной воли, которая берет начало в нас самих, но «Духом Святым, данным нам» (Римлянам 5:5).

В конце своей жизни, в 427 году, он, проанализировав еще раз весь труд своей мысли по этому вопросу, написал Симплициану: «Давая ответ на этот вопрос, я старался, как мог, сохранить свободу выбора для человеческой воли, но благодать Божия превозмогла». Когда его друг Паулинус спросил его, почему он столько сил потратил уже на этот спор с Пелагием, и сейчас, когда ему уже за семьдесят, продолжает еще тратить, он ответил: «Прежде всего потому, что никакой другой предмет не доставляет мне большего удовольствия, чем этот. Ибо что может быть более привлекательным для нас, больных людей, чем благодать, которой мы исцеляемся; для нас, ленивых, чем благодать, благодать, которая побуждает нас действовать; для нас, активных и полных энергии действовать, чем благодать, помогающая нам в действовании нашем?» И этот ответ становится еще более убедительным, если учесть, что вся эта исцеляющая, побуждающая, помогающая и содействующая благодать, которой Августин упивается, есть дар неодолимой, торжествующей радости. Благодать управляет жизнью потому, что дает испытывать высшую радость от верховенства Бога.

Августин полностью признает нравственную ответственность человеческой воли, даже не смотря на то, что эта воля полностью управляется радостями душ, определяемыми в конечном счете Богом. Когда от него требуют дальнейших разъяснений, он предпочитает в качестве последнего аргумента ссылаться на Писание, прибегая вместе с Ним под покров «великой тайны». Это можно увидеть в следующих двух цитатах:

«А если кто из людей будет настаивать на том, чтобы мы исследованием углубились в ту великую тайну, почему одного человека так легко убедить поддаться этой благодати, а другого – нет, то мне на ум приходят только две вещи, которые я хотел бы предложить в качестве моего ответа: «О, бездна богатства!» (Римлянам 11:33) и «Неужели неправда у Бога?» (Римлянам 9:14). Если человек будет неудовлетворен таким ответом, он должен будет поискать себе более ученых оппонентов: но только пусть опасается впасть в дерзость.

Пусть же эта истина прочно утвердится в разуме благочестивых и устойчивых в вере, что нет неправды у Бога. Давайте также будем твердо и неотступно верить в то, что Бог

являет Свою милость одним и ожесточает сердце другим по Своей воле, то есть являет Свою милость и удерживает ее по Своему произволению. Давайте верить, что это подчинено какому-то скрытому от нас закону высшей справедливости, не поддающемуся никаким критериям человеческой оценки, хотя и проявляющемуся в человеческих делах и земных законах.

Тот факт, что благодать управляет жизнью, давая высшую радость от осознания верховенства Бога, объясняет, почему концепция христианской свободы так сильно разнится у Августина и Пелагия. Для Августина свобода – это настолько сильная любовь к Богу и Его путям, что она исключает даже само переживание выбора. Идеальная свобода – это не независимая воля, постоянно колеблющаяся на грани между добром и злом и удерживаемая в равновесии только верховной властью Бога. Идеал свободы в том, чтобы иметь настолько ясное духовное видение красоты Божией и настолько сильно любить Бога, чтобы никогда не задумываться над выбором между Богом и чем-то еще, но наоборот, подниматься над этим выбором и ходить под постоянным водительством высшей радости в Боге. Для Авгу-

тина сознательный опыт размышления над выбором между возможностями был признаком не свободы воли, а распада ее. Сам по себе выбор всегда с неизбежностью будет злом в этом падшем мире до того дня, когда духовное ведение и радость соединятся в совершенном предвкушении Того, Кто по определению является бесконечно радостным, то есть в предвкушении Бога.

Из августинского взгляда на благодать как на дар высшей радости, которая торжествует над «беззаконными удовольствиями», с необходимостью следует взгляд на христианскую жизнь как на постоянный поиск и жажду полноты радости в Боге. Он говорил: «Вся жизнь благочестивого христианина представляет собой одно святое желание». Другими словами, ключ к христианской жизни – жажда Бога и устремленность к Богу. И одной из главных причин, почему люди не понимают или не воспринимают высшую благодать и то, как она действует в нас, пробуждая высшую радость, в том, что их жажда Бога слишком мала. Жажда восторженной радости от поклонения Богу и святости им непонятна и неведома. Вот цель и в то же время главная проблема, как ее видел Августин:

Души людей должны стремиться найти убежище в тени Твоих крыл; они должны упиться допьяна полнотой Твоего дома; и от потоков Твоих удовольствий Ты будешь давать им пить, ибо в Тебе Источник Жизни, и в Твоем Свете увидим мы свет! Покажите мне влюбленного: он знает, о чем я говорю. Покажите мне того, кто тоскует; покажите мне того, кто голоден; покажите мне того, кто заблудился в этой пустыне, кто мучим жаждой и вздыхает об источнике в Вечной стране. Покажите мне такого человека: он знает, о чем я говорю. Но если я стану говорить к человеку с холодным, равнодушным сердцем, он не будет знать, о чем я говорю...

Средством от этого состояния холодности, с Божьей стороны, конечно же, является пробуждение благодатью высшей радости. Однако с человеческой стороны таким средством является молитва и проповедь о Боге как о бесконечно более возжеленном, чем все творение. То, что все 350 страниц «Исповеди» написаны в форме молитвы, – не просто сти-

листоческий прием. Каждое предложение в ней адресовано Богу. Дело здесь в том, что Августин полностью положился на Бога в пробуждении любви к Нему. И это отнюдь не случайно, что молитвы матери Августина Моники сквозят во всей «Исповеди». Она молилась за него, когда он еще не молился за себя сам.

Августин советует нам: «Говорите всегда вместе с псалмопевцем: «Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его» (Псалом 26:4)».

Далее он говорит: «Чтобы обрести нам эту счастливую жизнь, Тот, Кто Сам есть истинная Благословенная Жизнь, научил нас молиться». Августин показывает нам образец того, как он сам молился о триумфе радости в Боге: «О, Господи, дай мне любить Тебя всем сердцем, ибо я не могу найти ничего более драгоценного, чем Ты. Не отврати Лица Твоего от меня, чтобы я мог найти, что ищу. Не отступай во гневе от раба Твоего, чтобы, ища Тебя, я не натолкнулся на что-то другое... Будь моим Помощником. Не оставляй меня и не презри меня, о Бог мой, мой Спаситель!»

Но помимо молитвы, лекарством для людей без страсти и без жажды Бога является проповедь о Боге как о бесконечно более возжеланном и удовлетворяющем, чем все творение. Ревность Августина по душам людским состояла в том, чтобы убедить их взглянуть на красоту Бога и полюбить Его. «Если вы любите души людские, любите их в Боге... и приводите как можно больше их к Нему». «Ты Сам, О Боже, являешься их радостью. Счастье в том, чтобы радоваться в Тебе и для Тебя и из-за Тебя. Это и есть истинное счастье, и нет больше никакого другого».

Поэтому Августин всю свою духовную, поэтическую и интеллектуальную мощь направлял на то, чтобы помочь людям увидеть и почувствовать всеудовлетворяющее превосходство Бога над всем остальным.

Но что я люблю, любя моего Бога? ...
Не сладкозвучную мелодию гармонии и гимна; не благоухание цветов, запахов и пряностей; не манну или мед, не члены, к которым мое тело так любит припадать. Нет, не это все я люблю, любя моего Бога. Да, любя Его, я люблю

определенный свет, голос, запах, пищу, объятие; но все это я люблю в моем внутреннем «я», когда моя душа купается в свете, не ограниченном пространством; когда она прислушивается к звуку, который никогда не умолкает; когда она вдыхает аромат, который не в силах рассеять ветер; когда она вкушает пищу, которая никогда не уменьшается от ее вкушения; когда она отдается в объятия, разнять которые не может удовлетворенность вследствие ненасытимости желания. Вот что я люблю, любя моего Бога.

Немногим во всей истории удалось превзойти Августина в описании величия, красоты и вожденности Бога. Его жизнь полностью подтверждает слова Писания о том, что «счастлив тот, кто имеет Бога». «Ты сотворил нас для Себя, и сердца наши не находят покоя, пока не упокоятся в Тебе». Он приложил все усилия для того, чтобы этого Бога высшей благодати и высшей радости знали и любили в мире.

Ты постоянно что-то делаешь, но, тем не менее, пребываешь в постоянном покое.

Ты запасаете все для Себя, хотя не испытываешь ни в чем нужды... Ты печалишься о зле, но боли не испытываешь. Ты можешь гневаться, и при этом оставаться спокойным. Дела Твои многочисленны, но цель одна и та же... Ты радушно принимаешь тех, кто приходит к Тебе, хотя никогда их не терял. Ты никогда ни в чем не нуждаешься, тем не менее, рад получить прибыль, никогда не скупись, но всегда берешь мзду за Свои дары... Ты отпускаешь нам наши долги, но никогда ничего при этом не теряешь. Ты – мой Бог, моя Жизнь, мое святое Наслаждение! Но разве достаточно этих слов, чтобы описать Тебя? Может ли кто из людей сказать достаточно, когда говорит о Тебе? Тем не менее, горе тем, кто молчит о Тебе!

Если верно то, что сегодня, как говорит Р. Спраул, «мы как церковь не освободились еще из пелагианского плена», тогда мы должны молиться, проповедовать, писать, учить и трудиться в поте лица для того, чтобы порвать те цепи, которые удерживают нас в плену.

Р. Спраул говорит: «Нам нужен второй Августин или Лютер, чтобы он снова проповедал нам, иначе свет Божией благодати не только ослабеет, но и угаснет в наше время». Да, нужен. Но нужны нам также и тысячи таких обычных пасторов, как вы или я, которые будут захвачены необъятностью высшей радости в Боге.

И нам нужно вновь открыть для себя то исключительно августинское отношение, – очень библейское отношение, – к благодати как к свободному дару высшей радости в Боге, который освобождает нас от рабства греха. Нам нужно пересмотреть нашу реформатскую сотериологию таким образом, чтобы каждая веточка на ее дереве источала сок августинианской радости. Нам нужно четко уяснить, что полная развращенность есть не просто безнравственность, но еще и слепота к красоте и невосприимчивость к радости; а безусловное избрание означает, что полнота нашей радости в Иисусе была предусмотрена для нас задолго до того, как мы были призваны к существованию, и что ограниченное искушение есть залог того, что непоколебимая радость в Боге необратимо обеспечена для нас Кровью завета, и что

непреодолимая благодать есть дар и сила Божией любви, данная нам для того, чтобы мы больше не держались самоубийственных удовольствий, но освободились от них высшей силой небесных радостей, и что стойкость и сохранность святых есть решимость всемогущего Бога хранить нас во всех испытаниях и скорбях для наследования радостей одесную Бога навеки.

Эта нота высшей, торжествующей радости и есть тот недостающий элемент в наших слишком уж реформированных реформатской теологии и реформатском богослужении. И в заключение: возможно, нам всем стоит задуматься над тем, не потому ли это так, что мы ни разу еще не пережили в своей жизни торжества высшей радости? Можем ли мы повторить следующие слова вместе с Августином?

Как приятно было вдруг, во мгновение ока, избавиться от тех бесплодных радостей, которые я когда-то так боялся потерять! Ты отогнал их от меня, Ты, Который является истинной, высшей радостью. Ты отогнал их от меня и Сам занял их место... О, Господи, Бог мой,

Свет мой, Богатство мое и Спасение мое!

Или же мы поработаны удовольствиям этого мира настолько, что, несмотря на все наши разговоры о славе Божией, мы любим телевизор, пищу, сон, секс, деньги и человеческую похвалу так же, как и все остальные? Если это так, то давайте покаемся и устремим наши взоры к Слову Божьему в молитве: «О, Господи, открой глаза мои, чтобы мне увидеть высшую реальность и понять, что только в Твоем присутствии вся полнота радостей и блаженство в Твоей деснице вовек» (Псалом 15:11).

ПРИМЕЧАНИЕ: Если позволило бы время, я с помощью Августина показал бы применение принципа высшей радости и в других сферах жизни и служения. Несмотря на то, что главным корнем нашей жизни и служения является высшая радость, нам нужно вернуться к истокам и пересмотреть наше отношение к проповеди, евангелизации, молитве, пророчеству, разногласиям и толкованию Библии, а также задуматься о том, что значит жить

как странники в Граде человеческом, ожидая
Града Божия. Постоянное ощущение Августи-
ном богоцентричной радости пронизывает его
учение обо всех этих вещах, и мы хорошо
сделаем, если позволим ему вести нас в этом.
Но отложим это пока до следующего раза.

IN LUMINE

WWW.INLUMINE.ORG

Цель IN LUMINE — показать людям, что Бог желает воссиять светом познания Своей славы в сердце человека. Бог бесконечно достоин, и человек создан для того, чтобы видеть Его и дорожить Им во всех Его гранях. Это единственное, что утоляет жажду души.

Мы желаем, чтобы с помощью наших ресурсов вы приближались, видели и наслаждались великолепием Христа.

За дополнительной информацией и материалами обращайтесь по адресу:

In Lumine Media
А/я 1842
Чернигов 14000
Украина

Тел.: 380635630071
info@inlumine.org
Inlumine.org